

А.В. Шаповалов

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ЮЖНОРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XI–XIII ВВ.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются повествование от первого лица, риторические вопросы и восклицания, некоторые хронологические формулы в Повести временных лет, Киевской летописи, Галицкой и Волынской летописях по Ипатьевскому списку. Обсуждаются актуализация достоверности и субъективности текста летописи посредством авторских экспликаций, а также случаи обращения летописцев к авторитетным текстам. Приводится статистика рассматриваемых форм авторского присутствия и делается вывод об ослаблении дидактического начала при переходе от общерусского летописания к местному.

Ключевые слова: повествование от первого лица; риторические вопросы; риторические восклицания; хронологические формулы; Повесть временных лет; Киевская летопись; Галицкая летопись; Волынская летопись.

Традиционный характер средневековой культуры накладывает ограничения на применение термина «автор» к письменным источникам XI–XIII вв. По наблюдению Д.С. Лихачева, история составления летописей «не кончается в пределах творческих исканий одного автора, а захватывает творчество ... многих поколений редакторов и переписчиков текста, занимая иногда несколько столетий» [Лихачев, 2001: 40]. Однако в последние годы получил распространение подход, в рамках которого исторический источник рассматривается как продукт определенного типа сознания [Метлицкая, 2005: 1]. Во многих средневековых текстах есть высказывания, прямо не связанные с основным ходом повествования, которые можно рассматривать как «комментарий», «метатекст», свидетельствующий об элементах самосознания человека своего времени. Применительно к письменным памятникам Древней Руси эту проблематику исследовала Е.Л. Конявская [Конявская, 2000: 13–27].

Шаповалов Алексей Владимирович — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: omeganom@yandex.ru).

Для изучения категории автора в летописи были предложены два подхода: описание форм авторского присутствия в тексте и анализ высказываний, организующих структуру погодной статьи или свода. В рамках первого подхода О.В. Иванайнен применительно к Повести временных лет (далее — ПВЛ) изучала прямые сообщения автора о себе, использование местоимений и глаголов в форме 1-го лица ед. и мн. числа, реакции на происходящее и другие способы выражения «азь»-летописца [Иванайнен, 2017: 394–408]. И.С. Юрьева на основе анализа грамматических и фонетических особенностей языка Галицкой и Волынской летописей (далее — ГЛ и ВЛ) отмечала противоположные установки их составителей — ориентацию на книжные образцы и более широкое использование элементов живой речи [Юрьева, 2016: 66–77]. Однако в этих работах практически не рассмотрено влияние форм авторского присутствия на достоверность и субъективность повествования. В рамках рассмотрения приемов организации текста Киевской летописи (далее — КЛ) В.Ю. Франчук сделала некоторые наблюдения над хронологическими и отсылочными формулами, оформлением дат и иными методами редакторской работы [Франчук, 1986: 53–76]¹, но при этом недостаточно внимания уделено собственно авторским проявлениям.

В настоящей работе рассматривается влияние форм авторского присутствия (высказываний книжников от первого лица, риторических вопросов и восклицаний, некоторых хронологических формул) на достоверность и субъективность повествования, а также обсуждаются их изменения на протяжении XI–XIII вв. В качестве источника выбран Ипатьевский летописный свод первой половины XV в., имеющий южнорусское происхождение, в котором исследователями последовательно выделяются четыре памятника (ПВЛ, КЛ, ГЛ и ВЛ).

Повесть временных лет

Упоминания киевских книжников о себе как об очевидцах подчеркивают достоверность повествования (подробнее см. [Атарова, 1976: 346–347]). Таких упоминаний в ПВЛ три («его же позоровахомъ и до вечера» [II: 153 (1065)]², «а другомү и самовидци выхомъ» [II: 187 (1074)], «его же повелѣнью выхъ азъ грѣшныи первою самовидецъ

¹ Подобные исследования в последнее время вызывают особенный интерес в контексте работ, посвященных соотношению анналистического и хроникального начал в летописи (подробнее о соотношении летописей, хроник и анналов см. [Гимон, 2012: 69–92]).

² Здесь и далее тексты источников цитируются по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Том издания указан в квадратных скобках, после двоеточия приведен номер столбца, а в круглых скобках — год погодной записи.

се же и скажу не слухомъ бо слышавъ но самъ в собѣ началникъ» [II: 201 (1091)]. В повествовании о перенесении мощей Феодосия Печерского высказывания от первого лица сочетаются с указанием на физическое и эмоциональное состояние монаха, что нетипично для летописи («вътрѣдѣса ... начахъ тѣжити ... начахъ рамено копати ... вбѣдержашет ма ужастъ начахъ звати» [II: 201–202 (1091)]). Упоминания летописцами о своей принадлежности к определенному сообществу в ПВЛ краткие и эпизодические («к нему же (Феодосию Печерскому. — А.Ш.) и азъ придохъ худыи и недостойны рабъ приять ма лѣтъ ми сущю зѣ (17. — А.Ш.) ѿ рожениа моего» [II: 149 (1051)], «намъ сущимъ по кѣльгамъ почивающимъ ... намъ же вѣжащимъ задомъ монастырѣ» [II: 222 (1096)]). Такие высказывания могут рассматриваться как маркеры синхронности описываемых событий и жизни летописца.

Другим способом актуализации достоверности повествования в ПВЛ являются упоминания использованных источников. Так, после слов «в семъ бо оувѣдахомъ ... тако же пишашеть в лѣтописани Грѣцкомъ» [II: 12 (852)] книжник начинает использовать погодную сетку как основной композиционный прием летописи («скажемъ что са оудѣгало в лѣта си тако же преже почали вахомъ пѣрвое лѣто Михаила и по радѣ положимъ числа» [II: 13 (852)]). Упоминания летописца о своих «информантах» («се же хоцю сказати таже слышахъ преже сихъ д̄ (4. — А.Ш.) лѣтъ таже сказа ми Гурата Роговичъ Новгородецъ» [II: 224–225 (1096)], «оу него же (Яна Вышатича. — А.Ш.) азъ слысахъ многа словеса таже вписахъ в лѣтописиць» [II: 257 (1106)]) интересны тем, что книжник не сразу включил в свой труд услышанное от других людей. Аналогичный пример присутствует в погодной статье 1051 г., который отсылает читателя к статье 1074 г. (т.е. «23 года спустя»: «се же написахъ и положихъ и в кое лѣт почалъ быти монастырь і что ради зоветьса Печерьскыи монастырь а в Федосьевѣ жити паки скажемъ» [II: 149 (1051)]).

Высказывания от первого лица актуализируют также субъективность повествования, что проявляется в сознательно заданной системе оценок (подробнее см. [Атарова, 1976: 348–350]). Таковы краткие пояснения книжников («ѿ негоже языка и мы есме Русь» [II: 20 (898)], «мы же зовемъ Вндрѣганемъ градомъ» [II: 32 (915)]), рассуждения о значении Крещения Руси («аще вы шнѣ (Владимир. — А.Ш.) не крѣтилъ насъ то и нынѣ выхомъ былѣ въ прельсти дьяволѣ» [II: 117 (1015)]) или о деятельности Ярослава Владимировича (Мудрого) по распространению книжности («мы пожинаемъ оучение приемлюще книжное ... книгами бо кажемъ и оучимъ есми пѣти покаганю и мѣдрость бо вбрѣтаемъ и въздержание» [II: 140 (1037)]). В некоторых случаях летописцы предлагали свою трактовку описываемым событиям, в частности объясняли причины пора-

жения русских князей от половцев («да аще сице творимъ всихъ грѣхъ прощени будемъ но мы на злое възвращаемъса ... да сего ради казни приемлемъ ѿ Бѣ всакия» [П: 157–159 (1068)], «се на ны Бѣ пусти поганыа ... егоже мы прогнѣвахомъ прославлени бывше не почтохомъ встивышесѧ не разумѣхомъ куплени бывше не по работахомъ породившесѧ не тако вѣща постыдихомсѧ согрѣшихомъ ꙗ казнимы есмы такоже согришихомъ тако и стражемъ ... да никто же дерзнетъ рещи тако ненавидими Бѣмы есмы» [П: 213–216 (1093)]). Эти примеры соответствуют экзегетической традиции средневековой книжности.

Высказывания книжников от первого лица участвуют также в организации текста летописи. От своего имени в ПВЛ книжники высказывались в начале всего свода («Лѣтписецъ Рускии съ Бѣмъ починаемъ вѣче блгѣв ... се начнемъ повѣсть сию» [П: 2]) или отдельных фрагментов («И се да скажемъ ... чего ради прозвасѧ Печерьскыи монастырь» [П: 143 (1051)], «такое се скажемъ вѣсовское наоущение и дѣйство» [П: 164 (1071)], «скажемъ бо оуспение его мало ... ѿ нихъ же (не) намѣню нѣколико мужъ чюдныхъ» [П: 173, 179–180 (1074)], «се же повѣмъ мало нѣчто» [П: 203 (1091)]). Такие выражения не вынесены в подзаголовки, основная часть которых не отмечена авторским присутствием («Начало княженья Сѣтославля» [П: 46 (945)], «Начало Сѣтополча Киевѣ княженья» [П: 209п (1093)]). Примечательно, что некоторые высказывания от первого лица («яко же и в прежнее лѣто сказахъ» [ЛЛ: 5 181 (1098)], «Си же скажемъ» [ЛЛ: 185 (1104)]) и заголовки летописных фрагментов («О убьеньи Борисовѣ» [ЛЛ: 90 (1015)], «Начало княженья Ярославля Киевѣ» [ЛЛ: 96 (1016)]), помещенные в более ранней Лаврентьевской летописи, отсутствуют в Ипатьевском списке [П: 118 (1015), 129 (1016), 248 (1098), 256 (1104)]. Возможно, они принадлежали переписчику, и составитель Ипатьевской летописи не счел нужным включать их в создаваемый им текст.

Значительная часть высказываний от первого лица в ПВЛ вполне традиционна и не свидетельствует о достоверности или субъективности повествования. Таковы краткие пояснения, восходящие к литургической традиции («мы же хрѣстиане ... елико в Хѣа крѣстихомъса и въ Хѣа вблекохомсѧ» [П: 12], «азъ же грѣшныи твои рабъ и оучникъ недооумѣю чимъ похвалити тѧ» [П: 204 (1091)], «се бо азъ грѣшныи многа и часто Бѣ прогнѣвахъ ꙗ часто согрѣшата бываю» [П: 216 (1093)]). При соотнесении друг с другом разных летописных фрагментов высказывания книжников в ПВЛ часто имеют вид устойчивых формул («такъ же ркохомъ» [П: 9, 141 (1037), 208 (1093)], «в немъ же прежде сказахомъ ... тако же послѣдѣ скажемъ» [П: 65, 67 (980)], «такоже глѧхъ» [П: 148 (1051)]). После пространных отступлений летописцы использовали традиционную формулу «мы на предлежащее възвратимсѧ» [П: 13 (852), 159 (1068)] (ее варианты:

«мы же на преднее възвратимса» [II: 67 (980)], «мы на прежерѣченое оуворотимса такоже вѣхомъ глїи первѣе» [II: 226 (1096)], которая имеет аналогию уже в «Истории» Геродота (V в. до н.э.: «я же возвращусь к своему прежнему рассказу» [Геродот: 56]).

Риторических восклицаний, выражающих непосредственное отношение книжников к происходящему, в ПВЛ немного («**У злата лѣсть чловѣчьскага**» [II: 68 (980)] — [Пс 146:5], «**колика ти радость**» [II: 104 (988)]). Летописцы часто использовали риторические фигуры, восходящие к литургической традиции («**хрѣстолюбивага заступника наша стрѣпца**» [II: 126 (1015)], «**радунса штче нашъ и наставниче Федоси**» [II: 204 (1091)]) или к авторитетным текстам («**велии бо Гсъ и велья крѣпость егъ и разуму его нѣс числа**» [II: 68 (980)], «**се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ ... не вѣды Дѣда глща что са хвалиши ш зловѣ силне**» [II: 123 (1015)] — [Пс 132:1, 51:3]). Иногда книжники сочетали риторические вопросы от себя с вопросами, содержащимися в цитируемом тексте («**доколѣ не насытитеса зловѣ вашихъ ... почто не здерьзастеса въ грѣсѣхъ вашихъ ... се бо не поганьски живемъ ... то не поганьскии ли есть се**» [II: 157–159 (1068)] — [Мал 3:5–14]). Это свидетельствует о том, что риторические вопросы в авторитетном тексте летописцы могли воспринимать как образец для собственных высказываний. В некоторых случаях книжники включали риторические вопросы и восклицания в речь описываемых в летописи лиц («**Гси что са оумножишаса стѣжающии ми ... оувы мнѣ Гси ... нынѣ же что ради встахъ азъ единъ кде сѣтъ словеса твояга таже глше ко мнѣ брате мои любими**» [II: 119, 122 (1015)]). Такие примеры требуют специального изучения (субъективно-модальное содержание устных высказываний персонажей в ПВЛ рассмотрел В.С. Савельев [Савельев, 2016: 49–72]).

Хронологические формулы в ПВЛ часто свидетельствуют о способе работы летописцев. Упоминания времен правления сначала применительно к византийскому императору («**иже цѣрьствоваша лѣтѣ кс (26. — А.Ш.)**» [II: 17 (887)]), а потом о древнерусских князьях («**и высѣ всѣхъ лѣтѣ его (Олега. — А.Ш.) княженитя лг (33. — А.Ш.)**» [II: 29 (912)]; «**и высѣ всехъ лѣтѣ княженитя Стѣславла лѣтѣ кн (28. — А.Ш.)**» [II: 62 (972)]) говорят о стремлении книжников выделить по образцу греческой хронографии смысловые фрагменты, превышающие объем погодной записи и объединенные общей темой. Встречающиеся в ПВЛ упоминания времени года или погоды, которые могли быть известны только очевидцу («**вѣ же пятокъ тогда, въсходящу солнцю**» [II: 232 (1019)], «**ваше снѣгъ великъ**» [II: 156 (1067)], «**въ вторникъ вечеръ в суморокъ**» [II: 201 (1091)]), свидетельствуют о достоверности повествования. Точные датировки событий указывают на их значимость в сознании книжников («**наставшю днїи шсмому въ вторюю суботу по пасцѣ въ в (2. — А.Ш.)**»

часъ дѣи и предасть дѣю в рѹцѣ Бжїи мѣца маѣ въ г̃ (3. — *А.Ш.*) дѣнь индикта въ аї (11. — *А.Ш.*) лѣтѣ» [II: 178 (1074)]. В некоторых случаях соотнесение событий свидетельствует о символичности мировосприятия летописцев («Того же лѣтѣ в Новѣгородѣ иде Волхovo въспать дѣии е̃ (5. — *А.Ш.*) се же знамение не добро быс̃ на д̃ е̃ (4-е. — *А.Ш.*) лѣтѣ погорѣ весь городъ» [II: 152 (1063)]).

Киевская летопись

Этот памятник отличается выраженной компилятивностью повествования, однако представляется возможным применительно к нему говорить о некоторых общих формах авторского присутствия. В КЛ они выражены слабее, чем в ПВЛ, что обусловлено последующим редактированием летописи и более узкой основной темой (повествование не о всей Русской земле, а об отдельных княжеских домах). В КЛ летописцы не стремились подчеркнуть достоверность описываемых событий упоминаниями о себе как об очевидцах, а субъективное отношение к происходящему часто включали в высказывания князей. Одним из немногих примеров, содержащих упоминание летописца о себе, является сообщение о его беседе с другим человеком, что обнаруживает сходство с фрагментом ПВЛ:

ПВЛ	КЛ
«и мнѣ тѹ сѹщю ... присла по ма князь Дѣдъ и придохъ к нему ... азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ емѹ всю рѣчь Двѣвѹ» [II: 239 (1097)].	«единъ реч̃ ми ... мнѣ же ѿвѣщавшю ... и поемъ ма и въведе въ влгарь ... и реч̃ ми ... и мнѣ просащю его и тако вда ми» [II: 483–484 (1156)].

Подобные примеры исключительны для древнерусского летописания (и, вероятно, являются вставными фрагментами), поэтому их сопоставление требует отдельного рассмотрения. В КЛ появляются заимствования из предшествующего текста летописи, в том числе содержащие высказывания от первого лица (ср. «Бѣ ... наведе на ны поганѹа ... да бѹхом сѧ востѣгнуоули ѿ злѹхъ своихъ дѣлъ» [II: 648 (1185)] и фрагмент ПВЛ [II: 145 (1093)]). Большинство высказываний книжников от первого лица в КЛ имеет вид устойчивых формул («прѣди нарекомъ» [II: 311 (1142)], «прѣди написахомъ» [II: 338–339 (1146), 577 (1174)], «иже башеть реклъ» [II: 432 (1151)]). Иногда наблюдается их парное употребление («еже и послѣди скажемъ мы же на прежнее възвратимсѧ» [II: 574 (1174), 702–704 (1197)]), что В.Ю. Франчук относит к особенностям повествовательной манеры Моисея Выдубицкого [Франчук, 1986: 65–66].

Риторические вопросы и восклицания в КЛ включены в речь описываемых лиц и не являются непосредственной реакцией книжников на описываемые события. Однако характер этих фрагментов позволяет рассматривать их, по выражению А.А. Пауткина, как

свидетельства «авторской позиции составителя» [Пауткин, 2017: 86–87]. Покаянная речь Игоря Святославича содержит серию из шести риторических вопросов, структура которой подчинена средневековой иерархии («гдѣ нѣинѣ възлюбленѣи мои братъ гдѣ нѣинѣ брата моего сѣнъ гдѣ чадо рожениа моего гдѣ богаре доумашен гдѣ моужи храборьствоующеи гдѣ радѣ полчнѣи гдѣ кони и оружья многоцѣньнага» [П: 643 (1185)]). Речь Моисея Выдубицкого в КЛ также содержит риторические вопросы и восклицания («дивна днѣс видѣста вчи наши ... что воздамъ ти противоу бѣгодѣланію ти гаже твориши и створилъ еси к намъ» [П: 712 (1200)]). В рассмотренных примерах риторические вопросы и восклицания являются скорее риторическими фигурами, чем выражением субъективности книжников.

Хронологические формулы в КЛ отличает более точное по сравнению с ПВЛ указание на время: традиционная летописная формула «в то же лѣто» постепенно сменяется указанием на другое время года («Тоѣ же весни ... Тоѣ же зимы» [П: 404 (1150)], «сеѣ весны» [П: 421 (1151)]) или упоминанием времени суток («на тоу же ночь» [П: 380 (1149), 450, 456 (1152)], «бѣ емѹ оуже вечеръ ... бѣ еще до вѣѣда» [П: 463 (1152)], «в зорѣ» [П: 507 (1160)], «на росвѣтѣ» [П: 677 (1193)]). В КЛ книжники соотносят события, отстоящие друг от друга не на несколько лет, а на несколько дней или недель («вишася вль ģ (3. — А.Ш.) нѣелѣ» [П: 317 (1144)], «пожгоша вколо его ѿ вѣстрѣгъ первѣи днѣ а вѣторѣи днѣ створиша вѣче ... вѣ ģ (3. — А.Ш.) же днѣ пристоупиша вси ко граду» [П: 320 (1146)], «преже своѣа болезни трѣи днѣми» [П: 483 (1156)]). Интересно упоминание не только даты, но и времени события при кратком сообщении о землетрясении в Киеве («потрасеса земля ... вѣ ģ (3. — А.Ш.) часъ днѣи» [П: 294 (1131)], аналогичный пример [П: 690 (1195)]), что, по мысли И.П. Еремина, усиливает документальность повествования [Еремин, 1966: 100]. Хронологические формулы, являющиеся свидетельствами очевидца, в КЛ многочисленны и разнообразны («и вѣи на тоу (но) чѣ дожчѣ великѣ велми» [П: 361–362 (1148)], «вѣи тепло вѣшетъ во оуже вѣрвѣноѣ нѣдѣи и вѣи вода по Волзѣ и по Молозѣ по чрево коневѣи на лѣдоу» [П: 371 (1148)], «оустрои Бѣ мѣглѹ такоже не видѣти никамо же толико до конецъ копыа видѣти и постиже дожгъ» [П: 434–436 (1151), аналогичный пример 466 (1153)], «оуже во вѣше к заморозѹ» [П: 458 (1152)]). В ряде случаев временной промежуток в КЛ не указывался точно («по малѣ же времени» [П: 307 (1140)], «бѣ в заднихъ лѣтѣхъ писано» [П: 319 (1145)], «мало верема переждавше» [П: 510 (1161)]).

Галицкая летопись

Подобно авторам КЛ, галицкие книжники не используют повествование от первого лица для актуализации достоверности

описываемых событий. Это подтверждают упоминания о том, что о некоторых моментах галицкие книжники не будут рассказывать («инѣхъ вѣщисла воеводъ ихъ же не исписахомъ здеи» [II: 785 (1240)], «не хотѣхомъ писати ѿ множества ради» [II: 800 (1248)], «за множество весь не списахомъ» [II: 821 (1254)]). В отличие от ПВЛ, где летописцы о некоторых моментах не писали «срама ради» [II: 72 (986), 153 (1065)], главной причиной отказа от перечисления в ГЛ является многочисленность. Высказывания в начале фрагментов ГЛ предваряют сообщение о конкретных локусах, а не об истории всего государства:

ПВЛ	ГЛ
«Повѣсть временныхъ лѣтъ, ѿкуда есть пошла Руская земля ... се нач- немъ повѣсть сию» [II: 2].	«по семь скажемъ о Галицинѣ могилѣ и ѿ начатъи Галича ѿкуда са почалъ» [II: 722 (1206)].

В ГЛ встречается высказывание летописцев в подзаголовке («По семь скажемъ многии мѣтежь великиа лѣсти вѣщисленыа рати» [II: 762 (1230)]), что нехарактерно для ПВЛ и КЛ. В приведенном примере обращает на себя трехкратный повтор, тогда как в ПВЛ повторы присутствуют в основном во фрагментах агиографического характера (см. [II: 56 (969), 124–126 (1015)]), а в КЛ они преимущественно бинарные. Особенности ГЛ являются рассуждение летописца об употреблении дат («Здѣ не писахомъ в заднаа впишемъ ... вса же лѣта спишемъ роцетъше во задныа» [II: 820 (1254)]) и выражение книжника, в котором он говорит о себе в третьем лице («хронографоу же ноужа есть писати все и вса бывшаа ввогда же писати впереднаа ввогда же востоупати в заднаа чьтыи моудрыи разоумѣеть» [II: 820 (1254)]). Интересно не только заимствование последнего примера из славянского перевода хроники Иоанна Малалы [Гимон 2012: 241], но и ожидания книжника, что такой способ повествования будет понятен читателю. Многие высказывания книжников в ГЛ традиционны («иногда скажемъ» [II: 740 (1223)], «предѣ сказахомъ» [II: 808 (1250), 837–838 (1257)], «потомъ спишемъ» [II: 841 (1259)]).

Первый пример риторического восклицания книжника в ГЛ следует за цитатой из Гомера, в которой также содержится риторическая фигура («ѿ лѣсть зла есть такоже **Вмиръ** пишеть ... ѿ злѣе зла есть» [II: 770 (1233)]). В дальнейшем тексте риторические вопросы и восклицания встречаются при повествовании о взаимоотношениях галицкого князя с татарами («ѿ сквѣрнаа прелѣсть ихъ ... ѿ злѣе зла чѣтъ Татарская ... то иньи кто можетъ припати» [II: 806–808 (1250)], «ѿ злѣе зла» [II: 817 (1252)]). Особенность этих высказываний — использование повтора «злѣе зла», который усиливает отрицательное отношение летописца к происходящему.

Хронологические формулы, являющиеся свидетельствами очевидца, в ГЛ встречаются реже, чем в КЛ («днѣ твои» [II: 799 (1248)], «тоѣ ноци» [II: 819 (1253)], «того же вечера» [II: 823 (1254)]). Галицкие книжники могли временной промежуток не указывать точно («по сем же долгоу времени минуѡвшю» [II: 719 (1203)], «малоу же времени минуѡвшю» [II: 770 (1233), 790 (1240), 796 (1245)]), а в некоторых случаях не оговаривать очередность описываемых событий («В та же лѣтѣ (или преже или потомъ)» [II: 828 (1255)]). Уменьшение числа хронологических формул в ГЛ может быть обусловлено как влиянием соседней латинской историографической традиции, так и задачами составления местной летописи, в которой хронологическое перечисление событий не было преобладающим.

Волынская летопись

Высказывания книжников от первого лица в ВЛ также содержат упоминания, что о некоторых моментах они не будут сообщать, при этом в качестве причин указывались и «срам», и многочисленность («егоже безаконѣа не могохомъ писати срама ради» [II: 868–869 (1270)], «Володимѣри ѣха во свои городы в Лоуческъ и в Доубень и во иньи городы ихже не псахъ» [II: 905 (1287)]). Вполне традиционны высказывания волынских книжников, выражающие их отношение к происходившим событиям («Посла Бѣ на насъ мѣчь свои ... за оумножение грѣховъ нашихъ» [II: 897 (1287)], «вопсалъ есмь в лѣтописѣць коромолу ихъ» [II: 932 (1289)]), начинающие повествовательный фрагмент («сиче скажемъ» [II: 858 (1262), 887 (1281)], «волезньжъ его си скажемъ» [II: 914 (1288)]) или отсылающие к другому фрагменту летописи («передѣ псахомъ» [II: 861 (1264), 882 (1280), 907–908 (1287)], «передѣ сказахомъ» [ИЛ: 892 (1283)]). Особенности ВЛ являются наличие фразы, которой книжник оканчивает фрагмент летописи («тоутож положимъ конецъ Вѣлодимеровоу княженію» [II: 927 (1289)]) и подробное описание времени кончины и погребения Владимира Васильковича («свѣтающю же паткоу и тако престависа ... вложиша и во гробъ мѣца декабря во аї (11. — А. III.) днѣ на паматѣ стго Данила Стголтпника в соуботоу» [II: 918–919 (1289)]). Это свидетельствует о стремлении придать большее значение повествованию о времени правления данного князя, которое летописец, вероятно, понимал как основную задачу своего труда.

Риторические восклицания, присутствующие в ВЛ в посмертной похвале Владимиру Васильковичу («кто исповѣсть многыя твоя и нещаныя мѣстна и дивныя щедроты» [II: 914–915 (1288)], «востани ниси во вѣрѣль ... ѿтраси сонъ возведи очи да видиши какоа тѣ чѣсти Гсъ тамо сподѣви» [II: 923 (1288)]), являются, по наблюдению

А.А. Пауткина, заимствованиями из «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона и некрологов Ростиславичей из КЛ [Пауткин, 2020: 119–124]. Они отражают, по замечанию И.П. Еремина, «тревогу и надежды, которыми были охвачены приближенные покойного князя в начале правления его преемника» [Еремин, 1966: 182]. Факт заимствования не позволяет считать эти высказывания проявлением субъективности волынских летописцев, однако свидетельствует об их ориентации на киевскую летописную традицию.

Хронологические формулы в ВЛ продолжают традиции предшествующего летописания. Отступления от хронологической последовательности («**Въ прежереченом же лѣтѣ**» [II: 861 (1264)], «**кнѣживъ же лѣтѣ немного**» [II: 869 (1268)], «**первого лѣтѣ ... на другое и на третье ... исходящюу же четвертомуу лѣтоу и наставши зимѣ**» [II: 914–916 (1288)]) указывают на сходство способа повествования волынских и галицких летописцев. Упоминания времени правления князя («**кнѣживъ по ѡци к̄ (20. — А.Ш.) лѣтѣ**» [ГВЛ: 918 (1288)]) сближает ВЛ и ПВЛ. Отсутствие точных датировок и указания на большой временной промежуток («**всю зиму**» [II: 905 (1287)], «**мало дѣни**» [II: 899 (1287)]) свидетельствуют об ослаблении в ВЛ тенденции к документально точной фиксации событий, характерной для КЛ.

Заключение

В итоге можно сделать вывод о различной частотности форм авторского присутствия в текстах ПВЛ, КЛ, ГЛ и ВЛ (таблица).

Таблица

Формы авторского присутствия	Общее число примеров в источниках			
	ПВЛ (...–1117)	КЛ (1118–1200)	ГЛ (1201–1261)	ВЛ (1262–1292)
Глаголы в форме 1 лица	135 ³	41	19	16
Риторические фигуры	35	9	6	4
Хронологические формулы ⁴	28	171	37	24

Наиболее часто высказывания книжников от первого лица актуализируют достоверность повествования в ПВЛ, что проявилось в упоминании книжниками о себе как об очевидцах или в ссылках на источник информации. Ослабление тенденции к документально точной фиксации событий в ГЛ и ВЛ, вероятно, связано с переходом

³ Данное количество примеров приводится с учетом высказываний от первого лица во фрагменте [II: 239–240 (1097)], который мог быть включен в текст ПВЛ в последующее время.

⁴ В таблице не учитывается количество употреблений традиционной формулы «**в лѣто**».

от общерусского характера летописания к местному, при котором преобладали сообщения о недавних событиях, и упоминания об очевидцах становились излишними. Выражение книжниками своего отношения к описываемым событиям также наиболее сильно выражено в ПВЛ (летописцы предлагают свою трактовку описываемых событий, в ряде случаев совмещая цитаты из авторитетных текстов с собственными высказываниями). В КЛ и ВЛ подобные примеры встречаются существенно реже (что свидетельствует об ослаблении к ним дидактического начала), а в ГЛ они относятся не столько к трактовке событий, сколько к способу их представления в тексте.

Риторические фигуры и хронологические формулы также могут содержать информацию о достоверности и об элементах субъективности повествования. Риторические вопросы и восклицания в ПВЛ и ГЛ сочетаются с цитатами из авторитетных текстов, а их использование книжниками для выражения своего отношения к описываемым событиям эпизодическое. В КЛ и ВЛ риторические фигуры не принадлежат собственно летописцам. Отмечено, что количество точных датировок в Ипатьевской летописи увеличивается с уменьшением высказываний книжников от первого лица. Характер хронологических формул свидетельствует об усилении документальности повествования в КЛ (и, как следствие, о более выраженном анналистическом начале в этом памятнике), что в ГЛ проявилось в наименьшей степени. Дальнейшее исследование форм авторского присутствия представляется перспективным как для изучения поэтики памятников южнорусского летописания XI–XIII вв., так и для лучшего понимания мировоззрения летописцев.

Список литературы

1. Атарова К.Н., Лессикс Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 343–356.
2. Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
3. Еремин И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). Л., 1966.
4. Геродот. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
5. Иванайнен О.В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2017. Вып. 16–17. С. 389–582.
6. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в). М., 2000.
7. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). СПб., 2001.

8. *Метлицкая З.Ю.* Историческое самосознание англосаксонских анналистов IX–XI вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.
9. *Пауткин А.А.* Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М., 2017.
10. *Пауткин А.А.* К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (31). С. 119–126.
11. Повесть временных лет. Лаврентьевская летопись (1377 г.) / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л. 1950.
12. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
13. *Савельев В.С.* Древнерусские иллокутивно-полифункциональные высказывания: сообщения с субъективно-модальным содержанием (на материале «Повести временных лет») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 4. С. 47–74.
14. *Франчук В.Ю.* Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
15. *Юрьева И.С.* Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Оломоуц, 2016. С. 65–77.

Alexey Shapovalov

EVOLUTION OF AUTHORIAL PRESENCE IN 11th–13th CENTURY SOUTH OLD RUS CHRONICLES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper analyses first-person narration, rhetorical questions and exclamations, chronological formulas in Russian Primary Chronicle, Kyiv Chronicle, Galician Chronicle, and Volhunian Chronicle in the Hypatian Codex. Emphasis is laid upon updating of reliability and subjectivity by means of the chronicler's explications and references to the sample texts. Of special interest are the statistics on authorial presence. It is concluded that didacticism is more strongly expressed in all-Russian Chronicles than in local ones.

Key words: first-person narration; rhetorical questions; rhetorical exclamations; chronological formulas; Russian Primary Chronicle; Kyiv Chronicle; Galician Chronicle; Volhunian Chronicle.

About the author: *Alexey Shapovalov* — PhD Student, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: omeganom@yandex.ru).

References

1. Atarova K.N., Lesskis G.A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litza v hudozhestvennoy prose. *Bulletin of Russian Academy of Science. Studies in Literature and Language*. 1976. V. 35. № 4, pp. 343–356. (In Russ.)
2. Gimón T.V. Istoriopisanie rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi: Sravnitelnoye issledovanie. M., 2012. (In Russ.)
3. Eremin I.P. Literatura Drevney Rusi (etyudy i harakteristiki). L., 1966. (In Russ.)
4. Gerodot. Istoriya. Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo. L., 1972. (In Russ.)
5. Ivanaynen O.V. “Az” letopisza v “Povesti vremennyh let”, ego varianty i sposoby vyrazheniya. *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 2017. Iss. 16–17, pp. 389–582. (In Russ.)
6. Konyavskaya E.L. Avtorskoye samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika (XI–XV vv). M., 2000. (In Russ.)
7. Lihachev D.S. Textologiya (na materiale russkoy literatury X–XVII vv.). St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
8. Metlitzkaya Z. Yu. Istoricheskoye samosoznaniye anglo-saksonskih annalistov IX–XI vv: *diss. kand. philol. nauk*. M., 2005. (In Russ.)
9. Pautkin A.A. Gorisonty prochteniya: Istoriko-philologicheskiye zametki i razmyshleniya. M., 2017. (In Russ.)
10. Pautkin A.A. K voprosy o letopisnyh istochnikah pohvaly Vladimiru Vasil’kovichu Volunskomu. *Drevnyaya Rus’. Voprosy Medievistiki*. 2020. Iss. 3 (31), pp. 119–126. (In Russ.)
11. Povest’ vremennyh let. Lavrent’evskaya letopis’ (1377 g.). Pod red. V.P. Adrianovoy Peretz. M.; L., 1950. (In Russ.)
12. Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom vtoroj. Ipat’evskaya letopis’. Izdanie vtoroje. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
13. Savelyev V.S. Drevnerusskiye illokutivno-polifunktzionalnye vyskasuvaniya: soobsheniya s subjektivno-modal’nym sodержaniem (na materiale Povesty vremennyh let). *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*. 2016. № 4, pp. 47–74. (In Russ.)
14. Franchuk V.Yu. Kievskaya letopis’: Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii. Kyiv, 1986. (In Russ.)
15. Yur’eva I.S. Lingvisticheskiye parametry stilisticheskikh razlichiy mezhdú Galitskoy i Volhynskoy letopisyami. *Pismennost’ Galitsko-Volhynskogo knyazhestva: istoriko-philologicheskiye issledovaniya*. Olomouc, 2016, pp. 65–77. (In Russ.)